

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

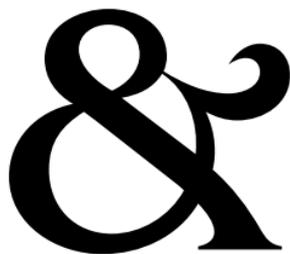
**Читайте романы
Людмилы ГОРЕЛИК
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Русское сокровище Наполеона

Утраченный дневник Гёте

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Людмила Горелик

**Утраченный
дневник Гёте**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г68

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*
Оформление обложки *Н. Кудря*

Горелик, Людмила Львовна.
Г68 Утраченный дневник Гете / Людмила Горелик. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-098579-1

После смерти великого философа Гете остались неопубликованные записки из дневника, которые оказались у его давней поклонницы Анны Павловны Философовой. Она смогла передать их своим друзьям в России... Убита пожилая учительница Софья Аргуновская, причем убийца что-то тщательно искал в ее квартире. Сонины подруги понятия не имеют, что могло понадобиться от старушки неизвестному. Но возможно, это как-то связано с прошлым Аргуновской и ее наставницей, которая завещала ей эту квартиру. В квартире Софьи сохранился коллекционный альбом Гете с вырванным титульным листом — там была дарственная надпись, в которой зашифровано местонахождение уникального сокровища...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098579-1

© Горелик Л.Л., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ПРОЛОГ

Анна Павловна Философова очень хотела вернуться домой, в Россию. Она уже седьмой год жила в Германии и сильно соскучилась по родине — по Петербургу, по своему поместью Богдановскому... Муж, дети приезжали, конечно, но и их она не видела подолгу. А более всего угнетали оставленные, брошенные дела, требующие ее присмотра: школа для крестьянских детей и сельская амбулатория, «общество дешевых квартир», Бестужевские женские курсы. Месяц назад Анна Павловна, следуя совету мужа, отправила покаянное письмо царю и теперь надеялась на возвращение. Тяжело жить вдали от дома, от семьи. Ладно, все ж лучше, чем в Вятке...

Семь лет назад Александр II сказал ее мужу, Первому государственному прокурору, тайному действительному статскому советнику Владимиру Дмитриевичу Философову: «Лишь ради тебя она выслана за границу, а не в Вятку».

Конечно, Анна Павловна и в Европе не потеряла времени зря. Здесь она стала активно участвовать в Международном женском движении, увлеклась и начала серьезно заниматься теософией. На одном из женских съездов она познакомилась с Ульрикой фон Левецов. Несостоявшаяся невеста Гете не входила в Международную женскую организацию, она не была, подобно Анне Павловне, борцом за равноправие женщин, однако проблема в какой-то степени ее занимала. Дамы оценили друг друга высоко, и в дальнейшем знакомство сохранялось, хотя и не переросло в дружбу.

Последняя встреча произошла в январе 1881 года. Получив уже незадолго до возвращения в Россию от «Ульрики» (так она ее называла про себя) приглашение в гости, Анна Павловна обрадовалась возможности попрощаться с симпатичным ей человеком. Как и многие русские, Философова была поклонницей Гете, однако «Ульрика», эта пожилая дама, последняя любовь поэта, интересовала ее не только в качестве живого приложения к биографии великого немца. Все знали, что более полувека назад, 19-летней девушкой, Ульрика фон Левецов, обворожив 73-летнего Гете, отвергла его предложение руки и сердца. Теперь ей было 77, замуж она никогда не выходила, а любопытствующим объясняла, что у них с Гете не было романа и она вообще никогда не имела желания

выйти замуж. Ни за кого. Анне Павловне, однако, г-жа фон Левецов была интересна и сама по себе. Эта пожилая фрау обладала живым умом и сильной волей, а кроме того, была невероятно тактичной и воспитанной. Нет, не только свежесть и непосредственность юности привлекли к ней великого немца.

Фон Левецов принимала у себя Анну Павловну не первый раз. В предыдущие две встречи дамы обсуждали преимущественно женское движение и проблемы теософии. Это были наиболее нейтральные темы из тех, что принадлежали к сфере их общих интересов. Г-жа фон Левецов задавала вопросы и о положении в России. Философова рассказывала тогда в основном о проблемах женского образования: тема была ей хорошо знакома и действительно волновала ее. Философовой было 44 года, фон Левецов — 77. Однако между ними имелось много общего, обе понимали это и симпатизировали друг другу.

В этот раз Анна Павловна почувствовала в собеседнице напряжение. Впрочем, разговор поначалу шел по накатанным рельсам. Говорили о Блаватской, о начале теософского движения в Европе. Потом о развитии реформ в России — слишком медленном, по мнению Философовой. Заговорили о новейших политических течениях. Анна Павловна упомянула про знакомство с Кропоткиным, рассказала, как прятала Веру Засулич.

— Я сочувствую им, — сказала она. — Уверяю вас, я далеко не сторонница революции, но мне хочется улучшить жизнь окружающих людей, причем (тут она усмехнулась) иногда возникает желание сделать это прямо сейчас!

— О да, — кивнула фон Левецов и тоже усмехнулась. — Нечто подобное я слышала от господина фон Гете в тысяча восемьсот двадцать третьем году...

За все время их знакомства она впервые упомянула Гете. Анна Павловна выдержала паузу, надеясь на продолжение.

— Да, — продолжила Ульрика, — мы беседовали на всякие темы, даже о политике — он много рассказывал мне... Ведь он столько видел!

Она помолчала, нахмурив брови, а потом продолжила в ином, доверительном тоне:

— Мне скоро восемьдесят. Я долго думала, с кем я могу позволить себе быть откровенной, — и выбрала вас. Я не могу сказать, что у нас с Гете совсем не было романа. Понимайте это как хотите. Тогда... Тогда у меня были причины отказать. Пока я раздумывала, не зная, как поступить, Гете поразил меня в самое сердце своим юношеским легкомыслием. Признаваясь мне в любви, он завел роман с польской пианисткой! Могла ли я решить иначе?!

Анна Павловна легко провела ладонью по старческой руке собеседницы.

— *О да!* — воскликнула она. — *Я тоже влюбилась и вышла замуж в восемнадцать лет; муж был вдвое старше меня. Это была страстная любовь, и я никогда не пожалела о своем замужестве. Мой муж редкий человек... Однако я прекрасно понимаю вас, понимаю ваше душевное движение...*

Фон Левецов улыбнулась и кивнула:

— *Я знаю, что очень скоро вы вернетесь в Россию, а я... мне много лет! Вряд ли мы с вами увидимся еще когда-нибудь. Но я хочу, чтобы этот дневник был у вас. Этот дневник господин Гете вел летом тысяча восемьсот двадцать третьего года, когда вернулся из Мариенбада.*

Двадцать пять лет назад господин Эккерман, секретарь Гете, передал мне дневник поэта, который он писал сразу после нашего расставания.

Гете тогда много рассказывал Эккерману об этих заметках, однако просил не включать его рассказы о дневнике в повседневные записи секретаря. Поэтому после смерти поэта, когда дневники оказались у Эккермана, тот их не опубликовал. Впоследствии он передал их мне. Он не решился опубликовать их, так как не был уверен, что господин Гете этого хотел. Не решаюсь и я. Между тем я, подобно господину Эккерману, не могу допустить и того, чтобы они канули в Лету. Я поступлю так же, как он. Вы много моложе меня. Я хочу передать эти бумаги вам, поскольку твердо верю как в вашу безусловную порядоч-

ность, так и в ваш незаурядный ум и деловитость. Россия — культурная страна, где любят и высоко ценят Гете. Пройдет время, вы сами увидите, когда настанет пора этих записок. Опубликуйте их, когда сочтете нужным и возможным, когда придет их время. Читайте их, если вам угодно, но, пожалуйста, до публикации не показывайте никому.

Она встала, подошла к ломберному столику в углу и, взяв лежащую на нем не очень толстую стопку хорошо упакованных бумаг, протянула ее Философовой.

Глава первая

ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ

Июнь 2014-го в Смоленске выдался теплым, однако по утрам бывало прохладно, и, отправляясь на рынок, Елена Семеновна Шварц накинула легкую курточку из плащевки. Теперь, возвращаясь по послеобеденной жаре, она не могла ее снять, поскольку руки были заняты сумками. Картошку и лук пенсионерка покупала на рынке — раз в месяц ездила вниз, в Заднепровье. С трудом, обливаясь потом, она подняла сумки по лестнице. Когда отпирала дверь, услышала, что в комнате звонит — давно уж, видимо, — телефон.

— Леля, — это был голос Наташки. Необычный какой-то, будто сквозь слезы. — Что ты не подходишь? Ты, конечно, уже знаешь, что Соня умерла?

— Какая Соня? — не сразу сообразила Елена Семеновна.

— Ну, Соня Аргуновская... Как же ты не знаешь, ведь она жила в твоём подъезде?! Я тебе рассказывала, что она болеет!

— Подожди... — Шварц опустилась на диван, взяла трубку поудобнее, — ты ж в субботу говорила, что она выписалась?

— Ну, вот так и бывает: в субботу выписалась, а в среду умерла...

Соңю Аргуновскую, иначе Софью Дмитриевну, Елена Семеновна знала очень мало. Но довольно часто слышала о ней от Наташки и от Милы. Наташка была ее школьной подругой, а с Милой они вместе учились на иностранном факультете в Смоленском пединституте, тоже тысячу лет назад. Были, конечно, и другие общие знакомые — не такой большой город Смоленск. Пару раз она с Соней пересекалась — встречались на концертах. Близко общаться не приходилось, хотя с недавних пор Соня стала ее соседкой. За пару дней до того как Елена Семеновна переехала в эту квартиру, Соня легла в больницу, и от подруг периодически поступали сведения о ней.

У Елены Семеновны было очень много знакомых. С кем-то в школе училась, с кем-то в институте, с другими работала, кто-то случайно встретился, да так и остался в друзьях. С одними на концерты вместе ходила, с другими в баню. Да, Елена Семеновна, или Леля Шварц, как называли ее друзья и подруги, несмотря на неюный возраст, регулярно ходила в баню, на концерты, играла в настольный теннис... А с

Наташкой Тюриной они в детстве не то чтобы дружили, но учились в одном классе. С тех пор много воды утекло, и все одноклассники стали Леле Шварц близкими — сам срок знакомства сближал. Одноклассников оставалось все меньше. В прошлом году пятьдесят лет окончания школы отметили.

С Соней она тоже намеревалась познакомиться ближе, тем более что теперь они стали соседями. На лето ее семья — племянник Юрка с женой Машей, с годовалым сыном Левушкой и котом Бунькой — отправилась отдыхать в Пржевальское. У них там имелся свой домик; купили сразу после рождения Левушки на деньги, полученные в качестве вознаграждения за найденный в подzemелье «наполеоновский» клад¹. На этот раз Маша в Пржевальском и рожать собралась — через два месяца уже.

Елена Семеновна ехать с ними отказалась, так как хотела отремонтировать квартиру. Все довольно большое семейство жило в старом доме на улице Бакунина. Трехкомнатная квартира, принадлежавшая когда-то родителям Лели, была просторной, с высокими потолками, однако запущенной, ремонт не делали давно — еще Колька, третий муж, делал, а ведь

---

¹ Читайте об этом в романе Л. Горелик «Русское сокровище Наполеона» (Издательство «Эксмо»).

много лет прошло с развода... Колька и с новой женой давно развелся.

Шварц жила в этой квартире сколько себя помнит: с родителями, потом последовательно с тремя мужьями, затем одна, после с Юркой. Младшая сестра Лели, Светлана, более тридцати лет назад поселилась в Десногорске, но ее сын Юрий, повзрослев, переехал в Смоленск и разместился в той самой дедовской квартире, где продолжала жить Елена Семеновна. Жили тетя с племянником душа в душу, а когда Юрка женился, тетя Леля и с Машей подружилась.

У Маши была своя однокомнатная квартира, тоже в старом доме, но с другой стороны парка — на 1-й Красноармейской, рядом с музучилищем. Она пустовала с момента Машиного выхода замуж. Сразу после отъезда молодых на дачу энергичная, несмотря на пенсионный возраст, Елена Семеновна переехала в маленькую Машину квартиру и занялась ремонтом квартиры на Бакунина. Она решила, что если ей на 1-й Красноармейской понравится, то здесь она и останется — пусть молодые живут отдельно. А ремонт сделать необходимо сейчас — с двумя малышами уж точно не до него будет.

Узнав, что подруга ее друг Соня Аргуновская стала теперь ее соседкой, Леля обрадовалась. Соня жила в такой же однокомнатной квартире, как та, где расположилась Шварц,

только на первом этаже. И надо же... Какая неожиданная смерть!

— Наташа, так она сегодня умерла? Ведь среда — это сегодня, — удивилась Елена Семеновна.

Она взглянула на часы, было уже почти четыре. Из дома она вышла в одиннадцать и отправилась прямо на рынок. Проходя мимо Солиной двери, еще подумала, не позвонить ли: пора познакомиться поближе. Однако неудобно показалось в дверь ломиться, в гости напрашиваться. Решила узнать у Наташки Сонин телефон и, может, для начала втроем встретиться — пригласить их обеих к себе. И вот, пожалуйста...

— Наташа, а когда похороны? У нее родственники-то есть?

— Никого у нее нет! Я вот думаю уже, как хоронить... Мы с Милой, скорей всего, этим заниматься и будем. У нее ближе нас никого не было. Она одна совершенно и чувствовала себя в последнее время неважно. Может, для нее и лучше, что Бог ее прибрал так быстро, без мучений... Хотя ее не оставили бы без помощи. Ее ученики помнят. Прекрасная была учительница — выдающаяся, таких мало. Танька моя и сейчас к ней часто ходит, почти каждый день забегает... то есть забегала. Это она еще не знает — в школе с утра. Там слез будет... Не знаю, как и сказать ей.